

## ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ВЗГЛЯД ГЕОГРАФА-ОБЩЕСТВОВЕДА

Александр Георгиевич Дружинин<sup>1</sup>

<sup>1</sup>Ассоциации российских географов-обществоведов (АРГО) и Северо-Кавказский НИИ экономических и социальных проблем Южного федерального университета, Россия

**Аннотация:** Рассмотрены важнейшие демографические и социально-экономические факторы этнокультурного диалога в современной России: депопуляция, (включая опережающее сокращение численности русского этноса) и трансформация этнодемографической структуры, регионализация и рост территориального социально-экономического неравенства, иноэтнические (в том числе и трансграничные) миграции. Показано, что тенденция роста полиэтничности России носит устойчивый характер, а её учёт должен стать основой долгосрочной многовекторной геополитической, геоэкономической и геокультурной стратегической активности Российской Федерации в метарегионе Евразия.

**Ключевые слова:** этнокультурный диалог, депопуляция, миграция, социально-экономическая динамика, Россия

Original scientific paper

## DEMOGRAPHIC AND SOCIAL-ECONOMIC DETERMINANTS OF THE ETNO- CULTURAL DIALOGUE IN MODERN RUSSIA: REFLECTIONS OF A GEOGRAPHER- SOCIOLOGIST

Alexander Georgievich Druzinin<sup>1</sup>

<sup>1</sup>Association of russian socio-economic geographers (ARGO) and North Caucasus Research Institute of Economic and Social Problems of the South Federal University, Russia

**Abstract:** The paper discusses relevant demographic and social-economic factors of ethno-cultural dialogue in modern Russia: depopulation (including the anticipatory decrease in number of the Russian ethnos) and transformation of ethno-demographic structure, regionalization and growth of territorial social-economic inequity, and ino-ethnic migrations (including trans-boundary ones). It has been shown that tendency of poly-ethnicity growth in Russia is constant and should be the foundation of long-term geopolitical, geo-economic, and geo-cultural strategic activities of Russian Federation in Eurasian metaregion.

**Key words:** ethno-cultural dialogue, depopulation, migration, social-economic dynamics, Russia

### ВВЕДЕНИЕ

Современная Россия – страна больших (масштабных по своим амплитудам и следствиям) изменений и существеннейших территориальных социально-экономических контрастов (Дружинин, Колосов, Шувалов, 2012, с. 336). Пространственная организация российского общества динамична, иерархична и крайне усложнена, что предопределяет многообразие региональных и локальных

### INTRODUCTION

Modern Russia is a country of vast (by its amplitudes and results) changes and significant territorial social-economic contrast (Дружинин, Колосов, Шувалов, 2012, с. 336). Spatial organization of Russian society is dynamic, hierarchical, and most complex, which determines the diversity of its regional and local ethno-cultural dialogue contexts of which most relevant are as follows:

ситуаций этнокультурного диалога, важнейшими составляющими которого в настоящее время выступают:

- взаимодействие русской культуры с этнокультурными комплексами других народов многонациональной России (данные переписи 2010 года вмещают информацию по 200 народам; доля русских в общей численности населения составляет почти 78 %, в совокупности с остальными славянскими народами достигая 80 %; в этнодемографической структуре страны также весома доля «тюркской составляющей» – 8,4 %, автохтонных народов Северного Кавказа – 4,5 %; в несколько меньшей степени представлены этносы Закавказья – 1,4 %, а также представители финно-угорских народов - около 2 %);

- межконфессиональное взаимодействие (исходя из этнического состава населения, доля потенциальных приверженцев Православия на территории Российской Федерации может быть оценена в 84 %, Ислама – 10,5-11,0 %, Буддизма – 0,6 %, Протестантизма – 0,2 %, Католицизма и Иудаизма – по 0,1 %).

Будучи для России традиционно фундаментальной, «стержневой», проблематика этнокультурного диалога обрела особую актуальность в постсоветский период. Распад СССР, появление новых границ и геополитических субъектов (повлекших за собой переориентацию хозяйственных и гуманитарных связей, расчленение прежде единого геоэтнокультурного пространства), массовые миграции, рост этнического и конфессионального самосознания, коррекция позиций страны в международном разделении труда и рост центрo-периферийных градиентов, доминирующая установка на экономическую выгоду (причём, в подавляющей массе ситуаций, групповую, персонифицированную) – всё это благоприятствует территориальной социально-экономической фрагментации (в том числе и анклавизации), существенно модифицируя базовые условия хозяйствования, социально-демографического и, соответственно, этнического воспроизводства и межкультурного диалога.

- relationship between the Russian culture and other peoples' ethno-culture within the multinational Russian state (2010 census provides information for 200 peoples; Russians make almost 78 % of total population and 80% with other Slavic nations; “Turkish population” makes a large portion of the ethno-demographic structure in the country - 8,4%, and the autonomous peoples of North Caucasus make 4,5%; other peoples of Caucasian region make 1,4%, and Finno-Ugric peoples make around 2% of total population),

- and relationship among different religions (from the ethnical affiliation of the population point of view the structure is as follows: Orthodox population makes around 84%, Islamic – 10,5-11,0%, Buddhist – 0,6%, Protestant – 0,2%, Catholic and Judaist – 0,1% each).

Traditionally, Russia has had crucial problems with ethno-cultural dialogue, which were in the limelight during the post-Soviet period. Breakup of USSR, new boundaries and geopolitical subjects that caused shift in commercial and human relationships, disintegration of the previous uniform geo-ethno-cultural space, mass migrations, rise of ethnic and religious awareness, shift in the country's position at the international labor distribution scene and growth of central-peripheral components, as well as the finance-oriented interests (mostly group-oriented and personified) – all these favored the territorial social-economic fragmentation (and enclavization) and crucially modified basic conditions of commerce, social-demographic, and ethnic formation, including intercultural dialogue.

## АНАЛИТИЧЕСКИЙ И СИНТЕЗНЫЙ ПОДХОД К ОПРЕДЕЛЁННОЙ ПРОБЛЕМАТИКЕ

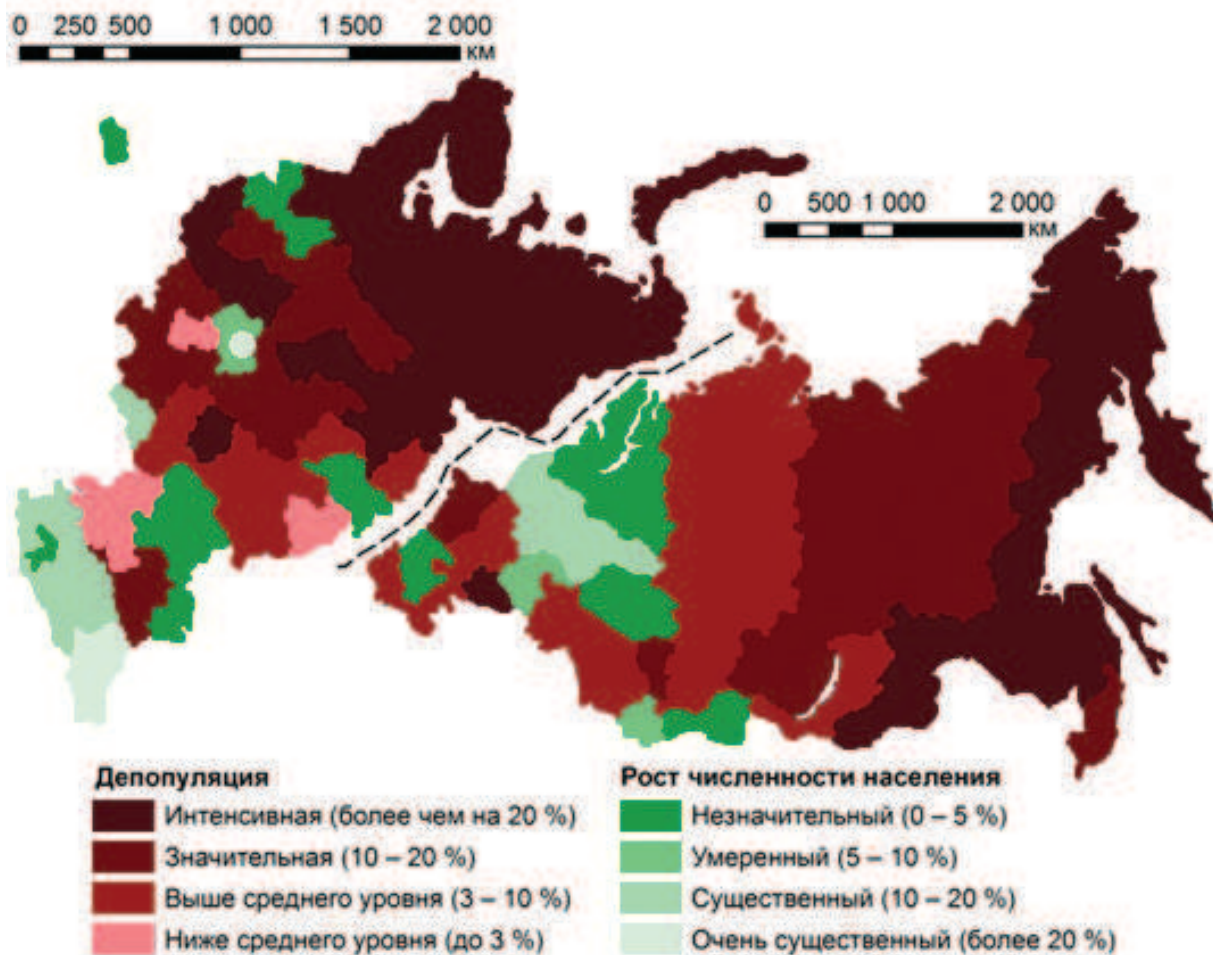
## ANALYSIS AND SYNTHESIS OF THE PROBLEM APPROACH

Важнейшим фактором (и трендом) постсоветских этнодемографических изменений выступает, в частности, устойчивая депопуляция подавляющей части территории Российской Федерации. С 1989 по 2010 гг. население России сократилось на 4117 тыс. (или на 2,8%), причём интенсивность процесса в 2002 - 2010 гг. оказалась существенно выше (283 тыс. человек, в среднем, ежегодно), чем в предшествующий межпереписной период (142 тыс.). Заметим, кстати, что российская депопуляция (проявляя себя как долговременный инерционный тренд с присущими ему конкретными географическими следствиями и проявлениями) имеет не только абсолютное, но и относительное, более масштабное по своей ретроспективе измерение. За 1900 - 2010 гг. доля России (в её современных территориальных «рамках») в мировом населении снизилась с 4,5 до 2%. К 2050 году данный показатель, согласно авторским расчётам, не превысит 1,5% (Дружинин, 2012, с. 3–16).

Весь постсоветский период большинство регионов Центральной России и Урала интенсивно теряло население (рисунок). За 1989 - 2010 гг. на 3,5 млн. (или 14%) сократилась численность жителей регионов Сибири и Дальнего Востока, знаменуя собой общий «сдвиг» демографического потенциала на запад, в европейский мегарегион страны. Удельный вес азиатских районов в численности населения России, неуклонно росший на протяжении почти всей советской эпохи и достигший в 1980-е годы (от итога по тогдашней РСФСР) почти ¼, за двадцать лет сократился до 1/5.

The crucial factor (and trend) of post-Soviet ethno-demographic changes was the somewhat constant depopulation on most Russian Federation territory. From 1989 to 2010, Russian population decreased per 4, 117 people (or 2, 8%) and the process was intensified during 2002 – 2010 period (283, 000 annual average) in comparison with the previous census period (142,000). It is noticeable that Russian population (a long-term inert trend of specific consequences and manifestations) had not only absolute but also relatively bigger retrospective figures. For 1989-2010 period, Russian population ratio within total global population decreased from 4, 5 % to 2 % (within the country's modern borders). The indicators for 2050 are in compliance with the author's calculations of 1, 5 % (Дружинин, 2012, с. 3–16).

During the post-Soviet period, most central Russia and Ural region intensively lost population (see the map). During 1989 – 2010 period, population of Siberia and Far East decreased per 3, 5 million (or 14%) and the general „shift” of demographic potential was westward into European mega region. Population growth in Asian region kept growing during Soviet rule and in 1980 reached ¼ of total population but in the next 20 years it decreased per 1/5.



*Карта 1. Изменение численности населения регионов России за 1989-2010 гг.  
Map 1. Changes in population number of Russia region for 1989 -2010 period*

На фоне выраженного «обезлюдения» подавляющей части территории страны, население (вне зависимости от его этнической и конфессиональной принадлежности) устойчиво концентрируется в немногих лидирующих в социально-экономическом отношении регионах и урбанистических центрах (крупных городских агломерациях), всё в более заметной мере выступающих, в этой связи, «фокусами» полиэтнических взаимодействий.

Следует учитывать, что в современной России притягательность для населения той или иной конкретной территории предопределяются наличием у неё эффективных производств (ориентированных, прежде всего, на экспорт), её общей «демографической массой», локализацией крупных городских агломераций, развитостью инфраструктуры. Столь же

As we speak of the intensive „depopulation“ of most of the country’s territory, the population (regardless of the ethnical and religious affiliation) keep concentrating in several regions with predominant social-economic relations and large urban centers (huge city agglomerations) in which poly-ethnical relations prevail.

It should be taken into account that inhabitation in modern Russia depends on a territory’s efficient production (export-oriented), the general “demographic mass”, localization of large city agglomerations, traffic availability of capital cities, and infrastructural development. Furthermore, it is crucial that a territory is rich in traffic availability of capital cities and logistic centers (Sankt-Petersburg, Vladivostok,



существенны транспортная доступность от столицы и других важнейших логистических центров (Санкт-Петербурга, Владивостока, Калининграда, Новороссийска, Ростова-на-Дону и др.), а также линий внешнеэкономической коммуникации, эффективность менеджмента, имидж территории. Возможности развития экономики и состояние системы расселения в более значительной мере (чем ранее в советский период) зависят и от природно-климатических условий, имеющейся ресурсной базы, включая продуктивность сельскохозяйственных земель. В постсоветской России существенным фактором социально-экономического успеха территории является и её статус, что наиболее характерно для городов: в новой архитектонике территориальной организации российского общества в выигрыше оказались главным образом столицы, в первую очередь федеральные. Не случайно, основным демографическим аттрактором в общероссийском масштабе выступает г. Москва, чьё население за два межпереписных периода выросло на 30 %; с 1989 года москвичами стали не менее 4,5 млн. мигрантов, что эквивалентно 40 % населения города.

Контрастна (в сопоставлении со среднероссийской) и ситуация в ряде республик Северного Кавказа, чьё преимущественно аграрное население благодаря сохраняющемуся высокому естественному приросту (достигающему в Республике Ингушетия и Чеченской Республике 27-30%) за постсоветский период выросло более чем на 30 %.

Включение в состав РФ новосозданного (и, безусловно, тяготеющего к Югу России) Крымского федерального округа (2,3 млн. жителей) ещё рельефнее высветило юго-западный вектор «перетока» населения России, одновременно усиливая дисбаланс между социальными приоритетами (и ожиданиями) южно-российских территорий и их фактическими экономическими трендами и возможностями.

В последнее десятилетие темпы естественной убыли населения (основной причины депопуляции) в общероссийском масштабе постепенно сокращаются. Тем не менее, даже в относительно благополучные

Kaliningrad, Novorossiysk, Rostov, etc.) including foreign economic communications, management efficiency, and territory's image. Economic growth and migration system now depend more on the natural-climate conditions than they used to during the Soviet period (resource bases, productivity of agricultural land). In post-Soviet Russia, a key factor of the social-economic success of a territory was its status, which was most typical of cities. The recent architecture of territorial organization of Russian society was most favorable for federal capital cities. It is not by chance that the key demographic attractor was Moscow, the population of which between the two censuses grew per 30%; and ever since 1989 Moscow has had more than 4,5 million migrants, i.e. 40% of total city population.

In comparison with central Russia, the situation is quite opposite in a whole range of North Caucasus republics, where population is mostly agricultural and birth rates are high (up to 27-30%0 in Ingushetia and Chechen Republic) as they grew per more than 30% in post-Soviet period.

Russian Federation now covers the territory of Crimea federal county (which undoubtedly belongs to southern Russia, with 2,3 million people) and the south-east population migrations became even more diverse. At the same time, the misbalance among social priorities has grown in south Russian territories, including the economic trends and options.

Over the last decade, the natural loss of population (the key reason for depopulation) has generally decreased. Still, during the relatively successful period of 2010 – 2013, 22 regions in the country have suffered natural loss coefficient of 5%0, and nine other regions it was more than 3%0. Besides, the second decade of 21st century is facing the natural fall (affected by „demographic wave“) that will surely grow, and depopulation (prolongation of modern social-demographic conditions of „zero“ age) will reach its previous peak along with the corresponding process of „ethnic

2010-2013 гг. в 22 регионах страны коэффициент естественной убыли превышал 5‰; в ещё девяти – оставался выше 3 ‰. Впрочем, к концу второго десятилетия XXI века естественная убыль (под воздействием эффекта «демографической волны») вновь неизбежно возрастёт, а депопуляция (при пролонгации современных социально-демографических условий «нулевых» годов) практически повсеместно обретёт былую силу, равно как и корреспондирующий с ней, последовательно разворачивающийся процесс «этнического замещения», в свою очередь чреватый этнокультурными трансформациями и этнополитическими рисками.

Важнейший, напрямую проецирующийся на масштаб и географию внутрироссийского этнокультурного диалога аспект российской депопуляции – опережающее (за межпереписной период – на 4,4 %) сокращение численности государствообразующего этноса – собственно русского населения. За последний межпереписной период (2002-2010 гг.) частичная «дерусификация» этнической структуры населения оказалась характерной для 72 регионов России (Дружинин, 2013, с. 3–15). Причём, если в целом по стране доля русских в этнической структуре населения за последний межпереписной период сократилась на 2,1 процентных пункта, то, к примеру, в Калужской области – на 7,5, Рязанской области – 5,5, Тверской – 5,9, Новгородской – 5,3. Республике Мордовия – 7,7, Кировской области – 8,0, Астраханской области – 8,6 %. Тем не менее, собственно русский этнический компонент продолжает оставаться преобладающим (более 50%) в 77 субъектах РФ; в 58 регионах удельный вес этнических русских в населении превышает 75 %. И только в 12 субъектах Федерации (имеющих статус «республики») русские составляют менее 50% населения, причём, минимален удельный вес русского населения в юго-восточном секторе Северного Кавказа: Республике Дагестан (3,2%), Чеченской Республике (1 %) и Республике Ингушетия (0,5 %).

Разумеется, в сопоставлении с СССР (в его структуре доля этнических русских составляла 50,8 %) современная Россия в целом существенно

replacement“, burdened by ethno-cultural transformations and ethno-political risks.

The most important aspect (the one which directly affects the space and geography of intra-Russian ethno-cultural dialogue) is the aspect of Russian depopulation, i.e. sudden decrease (4, 4% between two censuses) of ethnos that make up the country – Russian population. During the latest period between two censuses (2002 – 2010), partial „derussification” of the ethnical structure was typical of 72 regions in Russia (Дружинин, 2013, с. 3–15). Therefore, if Russian populations ratio decreased per 2,1 percent, In Kaluska region it decreased per 7,5, Ryazan - 5,5, Tverska – 5,9, Novgorod 5,3, Mordovia – 7,7, Kirovska region – 8,0, Astrakhan - 8,6%. Still, it is Russian ethnical component that remains predominant (more than 50%) in 77 subjects of Russian Federation; in 58 regions Russian population makes 75%. Only in 12 regions with the status of a republic Russians make less than 50%, and the minimum average of Russians is in southeast North Caucasus: Dagestan 3,2, Chechen Republic 1% and in Ingushetia 0,5%.

In comparison with USSR (in which ethnical Russian made 50, 8%), modern Russia is ethnical less diverse. Still, taking into account the historical development of Russian ethnos, modern location, and specificity of federal organization of the country – it is not realistic (it is even dangerous!) to consider it as an exclusively mono-national country, especially if we say that ratio of Russian population keeps decreasing: in 2002. – 79, 8%; in 2010. - 78%. Up to 2050, unless the trend changes, the figures will be down to 68% (or even 55% in south Russia, including north Caucasus republics and Kalmikia) (Дружинин, 2012, с. 3–16). The poly-ethnicity growth in Russia displays long-term tendency, and geographically this means a complex division of mono-ethnic (and multi-religious) and poly-ethnic territories, followed by growth of ino-ethnic diaspora with broad ethno-contact zones and

более однородна по этническому составу. Однако с учётом всей истории соразвития российских этносов, их современной локализации и специфики федеративного устройства страны – её не верно (и опасно!) воспринимать исключительно как мононациональное государство, тем более, учитывая, что удельный вес русских в населении стабильно сокращается: в 2002 – 79,8 %; в 2010 – 78 %. К 2050 году (если тренд не изменится) соответствующая цифра снизится до 68 % (непосредственно на Юге России, включающем северокавказские республики и Калмыкию – до 55%) (Дружинин, 2012, с. 3–16). Рост полиэтничности России, в этом контексте, обретает черты долгосрочной тенденции, географически проявляясь в сложной чересполосице моноэтнических (и моноконфессиональных) и полиэтнических территорий, росте и «укоренении» иноэтнических диаспор, наличии обширных этноконтактных зон и разномасштабных ареалов с интенсивной трансформацией этнодемографической структуры.

Важно, при этом, осознавать, что как в 1990-е, так и в первую половину 2000-х годов «дерусификации» этнической структуры населения России в целом противодействовали характерные для того периода миграционные векторы. За первые 15 постсоветских лет (1991–2005гг.) титульные для стран «нового зарубежья» национальности увеличили население России всего на 542 тыс. человек, тогда как за счет иммигрантов русской национальности оно возросло на 5231 тыс. (Рыбаковский, 2009). Именно трансграничная миграция все предшествующие годы не только поддерживала демографический потенциал страны, но и стабилизировала её этнодемографическую структуру. Если, абстрагируясь от реалий, полностью исключить из расчётов «фактор миграции», то из 147 млн. россиян (1989 г.) к 2002 г. на территории Российской Федерации должно было бы «остаться» порядка 139 млн.; перепись же 2002 г. «показала» наличие около 145 млн. человек. Цифра эта под воздействием существенных темпов естественного спада (особенно в первую половину 2000-х гг.) к 2010

areal with intensive transformation of ethno-demographic structures.

It is crucial to comprehend that 1990s and first decade of 2000s witnessed „derussification” of ethnical structure of Russian population. In first post-Soviet years (1991 – 2005) official nationalities from countries of „new borderline area“ increased Russian population per only 542 thousand people, and at the same time the population grew per 5231 Russian immigrants (Рыбаковский, 2009). It was precisely the trans-boundary migrations that helped the demographic potential in the country and stabilized its ethno-demographic structure. If we decided to exclude „migrations factor“, it would mean that out of 147 million Russians (1989), in 2002 Russian Federations should have around 139 million. 2002 census still showed figures of around 145 million people, which, influenced by fast natural decline, could have been 140 million in 2010. But the facts were according to the census that Russia had the population of 142, 9 million. As 2 million citizens left the country in 1989, it is only the „superficial” statistical data that indicate not less than 14 million immigrants to Russian Federation during the 1989 – 2010 periods. This practically means that each tenth citizen included in 2010 census was a post-Soviet immigrant. Therefore, despite the large Russian diaspora all over the world (Germany, USA, UK, Israel, etc.) and the country’s depopulation, modern Russia simultaneously tends to be actively populated by people from abroad.

At the moment of USSR breakup, out of 145 million Russian, 25, 2 million lived outside the Russian Federation borderline (Кабузан, 1996). Migration input of ethnic Russian decreased in time and according to L. L. Ribakovski in 2000 post-Soviet countries released 2, 6 times less people in comparison with 1995 to Russian Federation, and in 2005 it was 2, 1 times less in comparison with 2000 (Рыбаковский, 2009). Starting with first decade of 2000s, the basic resource

г. могла превратиться в 140 млн., но фактически (согласно итогам переписи) в России оказалось зафиксировано 142,9 млн. жителей. Учитывая, что страну с 1989 г. покинуло до 2 млн. граждан, только статистически «улавливаемый» демографический поток в Российскую Федерацию за 1989 - 2010 гг. оказался не менее 14 млн. человек. То есть практически каждый десятый из прошедших процедуру переписи в 2010 году – иммигрант постсоветского периода. Сформировав, при этом, достаточно многочисленную, рассредоточенную по многим странам и метарегионам планеты диаспору (Германия, США, Великобритания, Израиль и др.) и испытывая депопуляцию, современная Россия, таким образом, одновременно выступала (и продолжает выступать) и как активно заселяемая извне страна.

Инициированный распадом СССР – к тому моменту из 145 млн. русских 25,2 проживали за пределами РФ (Кабузан, 1996), миграционный приток этнических русских в Россию, в то же время, год от года стабильно сокращался (по оценке Л.Л. Рыбаковского, в 2000г. из постсоветских стран в Российскую Федерацию прибыло русских в 2.6 раза меньше, чем в 1995г., а в 2005г. – в 2.1 раза меньше по сравнению с 2000 г.) (Рыбаковский, 2009). Со второй половины 2000-х гг. основным ресурсом восполнения демографических потерь России выступают преимущественно тюркские (и исламские по доминирующей конфессии) государства Центральной Азии (бывшие союзные республики), что уже сейчас придаёт российской депопуляции черты масштабной культурной (поведенческой, ценностной) трансформации, ставя её в прямую зависимость от динамики и направленности интеграционно-дезинтеграционных процессов в быстро видоизменяющей свой социально-экономический и этнодемографический «ландшафт» Евразии (Дружинин, Ибрагимов, Башекан, 2013, с. 78–87).

Учёт сложившейся к настоящему моменту возрастной структуры населения России и ряда сопредельных с ней государств (включая постсоветские, активно вовлечённые в процесс миграционного обмена с Российской Федерацией) и осуществлённый на этой основе прогноз (методом «подвижки» поколений) численности

of filling demographic holes in Russia mostly originated from Turkey (Islam-dominated) and Central Asia states (former federal republics), which made Russian depopulation culturally diverse (dynamic and valuable) and there was a direct interdependence between dynamics and direction of integration-disintegration processes and fast changes of social-economic and ethno-demographic „space“ of Eurasia (Дружинин, Ибрагимов, Башекан, 2013, с. 78–87).

Taking into account the Russian population age structure and neighboring countries (including post-Soviet ones which actively participate in the migration exchange with Russia Federation) along with the population (generation “movement” method), we might expect that modern “demographic donors” of Russia (Uzbekistan, Kirgizia, Tajikistan – prolonging the center-periphery components formed in Eurasia) in the next three and a half decades may offer our country not more than 7-8 million immigrants, which is 20 % of Russian “natural” demographic losses.



населения, позволяет полагать, что современные «демографические доноры» России (Узбекистан, Киргизия, Таджикистан) при пролонгации сложившихся в Евразии центрo-периферийных градиентов в грядущие три с половиной десятилетия будут способны предложить нашей стране в совокупности не более 7 - 8 млн. мигрантов, что лишь на 20% восполнит российские «естественные» демографические потери.

Таб. 1. Прогноз численности населения России и её «евразийских соседей»  
 (без учёта фактора международной миграции) (составлено автором)  
 Tab. 1. Prevision of Russian population forecasts including "Eurasian neighbors"  
 (Without the factor of international migration) (designed by the author)

	Численность населения, 2013 г., тыс. чел.	Доля (усреднённо) годовой генерации в диапазоне 25-54 года в населении, %	Доля (усреднённо) годовой генерации в диапазоне 0-14 лет в населении, %	Изменение доли генерации за 2012-2045 гг.	Гипотетическая (на основе учёта ожидаемой «подвижки» поколений) расчётная численность населения к 2045-50 гг.
	Population in 2013 (thousands)	Ratio (mean value) of annual generation portion within 25-54 range, %	Ratio (mean value) of annual generation portion within 0-14 range, %	Changes in generation portion for 2012-2045 period	Hypothetic estimation of population number for 2045-2050 period (based on expected generation changes)
Россия Russia	142500	1,53	1,06	0,69	98325
Азербайджан Azerbaijan	9590	1,50	1,51	1,01	9685
Армения Armenia	3064	1,53	1,15	0,75	2298
Афганистан Afghanistan	31108	0,99	2,84	2,87	89279
Грузия Georgia	4942	1,41	1,02	0,72	3558
Иран Iran	79853	1,51	1,57	1,04	83047
Казахстан Kazakhstan	17736	1,42	1,65	1,16	20573
Киргизия Kyrgyzstan	5548	1,31	1,98	1,51	8377
Таджикистан Tajikistan	7910	1,28	2,23	1,74	13763
Туркменистан Turkmenistan	5113	1,39	1,78	1,28	6544
Турция Turkey	80694	1,42	1,72	1,21	97639
Узбекистан Uzbekistan	28661	1,42	1,69	1,19	34106
Украина Ukraine	44573	1,5	0,93	0,62	27635

К середине XXI века можно также уверенно прогнозировать ощутимый «прирост» демографической «массы» Ирана и, в ещё большей мере, Турции (государства, концентрирующего половину тюркоязычного населения планеты и, в этой связи, обладающего существенным потенциалом влияния во многих регионах постсоветского пространства) (ibidem), поистине «взрывные» темпы демографической динамики сможет продемонстрировать Афганистан (таблица). Миграционное «поведение» населения этих стран, их геоэкономическое положение, геополитическая позиция, равно как и геокультурная специфика – уже в среднесрочной перспективе станут оказывать всё возрастающее влияние на характер этнокультурного диалога во многих регионах и субрегионах России, предопределяя приоритетность в нём русско-тюркского межэтнического взаимодействия, а также соработы конфессиональных систем Православия и Ислама.

Наблюдаемый этнодемографический тренд проецируется на этнокультурную ситуацию, предопределяет её перспективу (предугаданную, в частности, почти полтора столетия тому назад И. Гаспринским, полагавшим, что «... в будущем, быть может, недалеко, России суждено будет сделаться одним из значительных мусульманских государств, что... несколько не умалит ее значения как великой христианской державы») (Гаспринский, 1881), что не только актуализирует проблематику межкультурного диалога, но и существенно расширяет его общественно-географический контекст, обретающий свойства трансграничного, межстранового, интерцивилизационного. Всё это, как представляется, требует скоординированной активности российского общества по ряду приоритетных направлений:

- Во-первых, сверх чуткого отношения к этнической составляющей территориальной социально-экономической и культурной динамики, действенных усилий по гармонизации межэтнических отношений, в том числе мерами социально-экономической и региональной политики. Думая о России и всё в возрастающей мере осознавая её общественно-географические реалии как единство разного (по

We may also forecast that in mid-21st century there shall be a reasonable “growth” of demographic “mass” in Iran and Turkey (a country in which more than half of Turkish-speaking world population is concentrated and which has a large potential influence on any post-Soviet regions) (ibidem), and we may also expect a „powerful” tempo of demographic dynamics that might also affect Afghanistan (see table). Migration „behavior” of the population of these countries, their geo-economic position, geopolitical location, and the geo-cultural specificities in close future may affect the nature of ethno-cultural dialogue in many region and sub regions in Russia giving the priority to Russian-Turkish inter-ethnic relations and development of Christianity and Islam.

The observed ethno-demographic trend affects the ethno-cultural situation and predetermines its perspective, so we may now say that there is something prophetic in the assumption of I. Gaspinski made a century and half ago that „in not so distant future, Russia will become one of the crucial Moslem countries, which (...) will not minimize its relevance as a country of Christianity at all” (Гаспринский, 1881). This does not only actualize the problem of intercultural dialogue but it also expands its social-geographic context, which adopts trans-boundary, interstate, and inter-civilizational features. All this call for coordinated activities of Russian society according to the priorities as follows:

- Firstly, a sensitive handling of ethnical, territorial, social-economic, and cultural dynamics, effective efforts to harmonize inter-ethnic relations, and measures of social-economic, and regional policies. As we think of Russia and raising awareness of its social-geographic reality as a unique diversity (due to ethno-demographic structure, dominant manner of production, lifestyle, geographic features, etc.), and focus on problems and tendency that the country is facing, it is important to take the general Eurasian

этнодемографической структуре, доминирующему хозяйственному укладу, уровню и образу жизни, ландшафтными особенностями и т.п.), фокусируясь на присущих стране тенденциях и проблемах, важно, одновременно, видеть их преимущественно общеевразийский генезис и масштаб. Культивирование адаптивных (учитывающих региональный и локальный хозяйственный, селитебный, природно-ландшафтный, ментальный и иной контекст) подходов и решений в политике и в экономике необходимо сочетать с многовекторной (верно сказано – Россия – страна многососедского положения) (Трейвиш, 2009, с. 372) геополитической, геоэкономической и геокультурной стратегической активностью в метарегионе Евразии.

-Во-вторых, продолжения целенаправленной реконструкции русского (великорусского) этноса как основы российской государственности (учитывая, что в прошлом столетии именно ассимиляция обеспечила до 50 % прироста численности русского населения) (Кабузан, 1996) и воссоздания (в новых, продолжающих стремительно меняться условиях) адекватной России суперэтнической целостности. Следует, при этом, учитывать, что в России происходит неуклонное сокращение гомогенности как русского, так и нерусского населения. За период одновременной жизни трех поколений этнически гомогенными могут себя считать 60% русских и 40% нерусских (этнически неопределенными, соответственно, 17 и 20%). Почти 1/10 гетерогенных лиц русской национальности участвует в межэтническом обмене при смене одного поколения другим. Вероятно, понадобится менее столетия, чтобы доля “чистокровных” русских опустилась до 50% численности русского этноса (Рыбаковский, Сигарева, Харланова, 2001). В этой связи важнейшей стратегической задачей становится обеспечение территориальной (равно как и политико-экономической, социо-культурной) целостности Российской Федерации и противодействие деструктивной, разрушительной для России (и, к сожалению, как свидетельствуют итоги социологических опросов, достаточно популярной) (<http://www.levada.ru/archive/mezhetnicheskie-otnosheniya/>

point of view regarding the genesis and standards. Cultivation of adaptive (regional and local commercial, urban, natural landscape, mental, and any other context) approaches and solutions in both politics and economics, it is crucial to harmonize them with the multidirectional (as Russia has many neighboring countries) (Трейвиш, 2009, с. 372) geopolitical, geo-economic, and geo-cultural strategies in Eurasian metaregion.

-Secondly, continuation of reconstruction of Russian (all-Russian) ethnos as the foundation of Russian statehood (we should hereby take into account the fact that in the last century assimilation provided up to 50 % of Russian population growth) (Кабузан, 1996) and creation of adequate Russian super-ethnic homogeneity (which quickly change under the new conditions). We should hereby mention that there is constant decrease of homogeneity of both Russian and non-Russian population in the state. In the time when three generations live simultaneously, ethnically homogeneous are 60% of Russian and 40% of non-Russian population (17 and 20% respectively are declared as neuter). Almost 1/10 of heterogeneous Russian citizens participate in inter-ethnic exchange as generations shift. It will probably take less than a hundred years for pure Russians ratio to decrease down to 50 % (Рыбаковский, Сигарева, Харланова, 2001). Thus, the most pertinent strategic task is to secure territorial, political-economic, and social-cultural homogeneity of Russian Federation and prevent the destructive (and according to some socialist questionnaires a rather popular) (<http://www.levada.ru/archive/mezhetnicheskie-otnosheniya/kak-vy-otnosit>) idea of organizations of a “national” Russian mono-ethnic state. Only a territorially compact, economically efficient, politically stable, and socially prosperous, trans-boundary-oriented Russia can provide the stable “presence” of Russian culture both within post-Soviet space and worldwide. Furthermore, Russian jurisdiction as well

kak-vy-otnosit) идее построения русского «национального», моноэтнического государства. Ведь только территориально единая, экономически эффективная, политически устойчивая и социально благополучная, открытая для трансграничных взаимодействий (в том числе и для иноэтнических миграций) Россия может обеспечить стабильное полноценное «присутствие» русской культуры и на постсоветском пространстве, и в мире в целом. При этом, фактор российского государства, его юрисдикции, равно как и включённости той или иной территории в экономическое и культурно-информационное пространство России – выступает весьма существенным для воспроизводства русской культуры обстоятельством. Показательна, в этой связи, ситуация на российском Кавказе. Стабилизация социально-политической обстановки, равно как и более тесная интеграция соответствующих территориальных общностей в российскую экономику (посредством бюджетного механизма, «отходничества», развития рекреации и др.) – благоприятствовали укреплению позиций русской культуры в данном макрорегионе. Симптоматично, что за последний межпереписной период в локализованных на Юге России национальных республиках доля лиц, не владеющих русским языком, сократилась с 9,6 до 6,8 %, т.е. более чем на 160 тысяч человек (для чеченцев подобное изменение оказалось наиболее существенным – с 19,1 до 8,1 %). Ключевым для будущего России вопросом становится также адаптационный и ассимиляционный потенциал русской культуры, её способность самосохраниться (и, отчасти, измениться), восприняв, «отфильтровав» и «переработав» обширнейшие «волны» культурных инноваций, привносимых и с Запада, и с Востока, и из сопредельных государств Евразии (как это изумительно чётко и точно сформулировал в недавнем общении со мной в Севастополе один молодой крымский татарин «если не сохраним русских, сами все потонем...»). Столь же необходимы, впрочем, и адекватные, чёткие, разделяемые подавляющей частью российского общества представления об идентичности нашей страны (вопрос этот до сих пор не решен) (Национальная идея России, 2012, с. 372)

as the inclusion of a territory within the economic and cultural-informative Russian space is crucial for the extensive reproduction of Russian culture. In this regard, the Russian Caucasus situation is evident. Stabilization of social-political affairs and the tight integration of certain territorial units within the Russian economy (via budget mechanisms, “renewal”, recreation development, etc.) both contribute the reinforcement of Russian culture within the given macro-region. The fact is that during the last inter-census period in southern Russia in national republics number of non-Russian speaking citizens decreased from 9,6 to 6,8, i.e. more than 160 thousands of people (the change was most obvious with the Chechens – from 19,1 down to 8,1%). The key question for the Russian future is the adaptive and assimilative potential of Russian culture, its ability to preserve itself (and partly change), and to „filtrate” and „refine” broad „waves” of cultural innovations from both East and West, including the neighboring countries of Eurasia (as a young Crimean Tartar recently told me in a quite clear manner in Sevastopol: „If we don’t keep the Russians, we ourselves shall submerge...“). We also need an adequate idea of what Russian population think of the country’s national identity (the matter remains unsolved) (Национальная идея России, 2012, с. 372), including its civilization and geographic aspect.

- And thirdly, bearing in mind that the planet population is growing and the deficit basic resources are becoming an object of geo-economic competition, a long-term prolongation of Russian ethno-genesis, i.e. a stable renewal of an adequate geo-ethno-cultural system of great Russia (Дружинин, 1996, с. 3–10) is impossible without the realization of a consistent strategy of territory perseverance, which nowadays practically means a re-conquest and crucial increase of capitalization and decrease of economic, traffic-communications and cultural obstacles among groups of regions. The chances for this are currently poor (in



включая её цивилизационный, а следовательно, и географический аспект.

-В третьих, учитывая, что планета всё ощутимее перенаселена, а её базовые ресурсы в целом дефицитны и являются объектом возрастающей геэкономической конкуренции, долгосрочная и устойчивая пролонгация русского этногенеза (стабильное воспроизводство соответствующей геэтнокультурной системы Великороссии) (Дружинин, 1996, с. 3–10) (немыслима вне реализации последовательной стратегии удержания территории, что практически ныне означает её реосвоение, существенное повышение капитализации, снижение (насколько это возможно) экономических, транспортно-коммуникационных и культурных барьеров между группами регионов. Возможностей для этого у России (где, в силу преимущественно институциональных обстоятельств, всё гиперзатратно – строительство и сохранение в рабочем состоянии инфраструктуры, обеспечение трансграничных потоков сырья, товаров, поддержание жизнедеятельности городов и в целом системы расселения) в настоящий момент, к сожалению, катастрофически мало. Практически исчерпана эндогенная ресурсная база реосвоения (требующего высокой мотивации, мобилизации и сверхжертв); оно уже не может вестись ни за счёт российской деревни, ни в существенной мере деградировавшей в постсоветский период индустриальной базы. Сохраняющиеся источники природной ренты («развёрнутые» в сторону крупнейших российских городов и глобальных урбанистических сетей) по политико-экономическим и социальным причинам также практически недоступны. В подобных условиях, когда любое ухудшение экономической конъюнктуры чревато эскалацией регионального эгоизма и сепаратизма, проблематика сохранения территории России не может не корреспондировать с сущностными подвижками в политико-экономических отношениях «по поводу» освоения территории, использования её потенциала. Крайне актуализирована, при этом, не только «ресоциализация» базовых ресурсов страны, но и «неорегионализация» России на основе развития полимасштабной и многополюсной

a Russia where everything is extremely expensive – construction and perseverance of infrastructure, trans-boundary flow of goods, stimulation of city activities, and the total migration system). A re-conquest of an exhausted endogen resource basis that demands motivation and sacrifice cannot be led for the sake of either Russian rural area or degraded post-Soviet industrial foundations. The preserved natural resources “distributed” around big cities and global urban networks, from both political-economic and social reasons are practically unavailable. Under similar conditions, when deterioration of economic conjuncture is burdened by regional egoism and separatism, the problem of Russian territory and its preservation must correspond with essential movements in political-economic relations due to the conquest of the territory and its potentials. In the end both «re-socialization» of basic resources and «neo-regionalization» would take place based upon the development of a multifactorial and multipolar network, which arranges the territory of urban centers focusing on national and corporative support from regional capital centers. This would be followed by «connection» among aeri-als and their impact on investment, infrastructure, and tax policy, along with synchronization of processes of economic modernization via necessary (and «improved» depending on a territory’s specificity) structural and institutional changes in all regions of poly-ethnic Russia (with no exceptions).

сети организующих территорию урбанистических центров с акцентом на государственную и корпоративную поддержку региональных столиц, «смыкание» ареалов их влияния (за счёт целенаправленной инвестиционной, инфраструктурной и тарифной политики), синхронизацию процессов экономической модернизации, реализацию необходимых (с «поправкой» на специфику территории) структурных и институциональных изменений во всех без исключения регионах полиэтнической России.

#### ЛИТЕРАТУРА/BIBLIOGRAPHY

Гаспринский, И. (1881). *Русское мусульманство – Мысли, заметки и наблюдения*. Симферополь

Дружинин, А., Г. (1996). *Русский регионализм – явление в контексте геоттнокультурогенеза*. Научная мысль Кавказа. № 1. с. 3–10.

Дружинин, А., Г., Колосов, В., А., Шувалов, В., Е. (2012). *Пространство современной России: возможности и барьеры развития (размышления географов-обществоведов)*. Москва: Изд-во «Вузовская книга». с. 336.

Дружинин, А., Г. (2012). Демографо-экономическая динамика регионов Юга России: долговременные тренды и новые тенденции в российском и глобальном контексте. *Южно-российский форум: экономика, социология, политология, социально-экономическая география*. № 1 (4). с. 3–16.

Дружинин, А., Г., Ибрагимов, А., Башекан, А. (2013). Взаимодействие России и Турции в постсоветское время: факторы, тенденции, проблемы, перспективы. *Известия Русского географического общества*. Т. 145. Вып. 5. с. 78–87.

Дружинин, А., Г. (2013). «Северокавказская составляющая» трансформации этнической структуры регионов России: (аналитика и комментарии к итогам всероссийских переписей населения 2002 и 2010 гг.). *Южно-российский форум: экономика, социология, политология, социально-экономическая география*. № 2 (7). с. 3–15.

Кабузан, В. (1996). *Русские в мире*. СПб.

*Левада-центр. Как Вы относитесь к идее «Россия для русских»*. <http://www.levada.ru/archive/mezhetnicheskie-otnosheniya/kak-vy-otnosit>

Национальная идея России (2012). В 6 т. Т. I. — М.: *Научный эксперт* – с. 372.

Рыбаковский, Л., Л., Сигарева, Е., П., Харланова, Н., Н. (2001). Этнический фундамент населения России. *СОЦИС*. №4

Рыбаковский, Л., Л. (2009). Миграционный потенциал стран нового зарубежья и условия его привлечения в Россию. *«Социологические исследования»* № 2

Трейвиш, А., И. (2009). Город, район, страна и мир. Развитие России глазами страноведа. М.: *Новый хронограф*. – с. 372.